

Исторические науки

УДК 392; 282; 284.8

Капустин С. В.,

*соискатель кафедры социальных наук и этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Римско-католическая и протестантская вера в среде немецких колонистов Бессарабии XIX – первых десятилетий XX вв. как фактор сохранения этнокультурной идентичности

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-157-165

На основе разностороннего источниковедческого материала автор рассматривает проблему сохранения римско-католической и протестантской веры в среде немецких колонистов Бессарабии XIX – первых десятилетий XX вв. Автор приходит к выводу, что религиозная специфика, наряду с немецким языком, способствовали сохранению их этнической идентичности в условиях иноэтничного окружения. Обращается внимание на то, как под влиянием немецких колонистов получили распространение протестантские воззрения в форме штундизма (баптизма) среди лиц, исповедующих православие.

Автор акцентирует внимание на том, что длительное время, практически до реформ 70-х гг. XIX столетия, русское правительство весьма лояльно относилось к иноверчеству в среде немецких колонистов, чем в немалой степени способствовало сохранению ими своей этноконфессиональной идентичности и обособленности.

Ключевые слова: *немецкие колонисты, Бессарабия, идентичность, вера, римско-католическая и православная вера, протестантизм.*

Капустин S. V.,

post-graduate student, of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes, Orel State University named after I.S. Turgenev

Roman Catholic and Protestant Faith among the German Colonists of Bessarabia in the 19th – First Decades of the 20th Centuries. as a factor in the preservation of ethno-cultural identity

On the basis of versatile source materials, the author examines the problem of the preservation of the Roman Catholic and Protestant faith among the German colonists of Bessarabia in the 19th – early 20th centuries. The author comes to the

conclusion that religious specificity, along with the German language, contributed to the preservation of their ethnic identity in the conditions of a different ethnic environment. Attention is drawn to how, under the influence of the German colonists, Protestant views in the form of Stundism (Baptism) became widespread among those professing Orthodoxy.

The author focuses on the fact that for a long time, almost until the reforms of the 70s. XIX century, the Russian government was very loyal to the heterodoxy among the German colonists, which to a large extent contributed to the preservation of their ethno-confessional identity and isolation.

Keywords: *German colonists, Bessarabia, identity, faith, Roman Catholic and Orthodox faith, Protestantism.*

При изучении немецких колоний Бессарабии, которые были одними из основных носителей и распространителей католической и протестантской веры юга Новороссии, имеет огромное значение высвечивание различий, связанных с догматическими понятиями православной и католической веры. Из одной научной работы в другую кочует мнение об ограниченности и культурной замкнутости немецких колоний. В целом это верно, однако это не касается миссионерской деятельности католиков. Католики и протестанты добивались значительного успеха в своей миссионерской работе на территории, значительно превосходящей рамки своей епархии. За очень короткое время костелы появились в крупных городах Бессарабии: Кишиневе, Бельцах, Бендерах и селах Зельц, Сарата. Окатоличеванию подвергались огромные массы людей, только за два десятка лет, начиная с середины XIX в., католикам удалось увеличить число приверженцев своей веры в несколько раз. При этом у католиков и протестантов для удобства привлечения новых членов веры в лоно своей церкви доминировала особая идеологема, которую в общих чертах можно выразить одной фразой: «нет особых различий между католицизмом и православием».

При переселении в Бессарабию немцы-колонисты принесли с собой из Западной Европы свои римско-католические и протестантские богословские взгляды на веру. В этой связи Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил: «Я имею в виду огромное влияние на западное христианское богословие идей эпохи Просвещения и философских идей либерализма» [Кирилл, Патриарх, 2019: 166].

За все время существования немцев-переселенцев в Бессарабии их родной язык не утратил своего значения в местах компактного проживания. На немецком языке говорили в семьях, преподавание в школах велось на немецком языке. Немецкие школы в Бессарабии были различных типов, но по всеобщему признанию у немцев отмечалась всеобщая тяга к получению светского и основ религиозного образования. Судя по отчету, предоставленному в Департамент народных училищ¹ и Кишиневскому Епархиальному наблюдателю церковно-приходских школ в селе Иозефедорф Бендерского уезда Бессарабской области [НАРМ. Ф. 65], в переполненном классном помещении с трудом помещались

немецкие дети. Школьный учитель учил детей Закону Божьему, обремененный заботами о своей многодетной семье, совмещал должность кистера² и сельского писаря. Приходской священник мало принимал участия в преподавании Священного Писания и проживал в Клящицы, в 30 км. от училища [НАРМ. Ф. 65: Л. 8 об.–9.]. В качестве дополнительных занятий в церковно-приходской школе обучали церковному и светскому пению со слуха. В немецких школах Бессарабии повсеместно практиковалась зубрежка – «наизусть заучивались: малый катехизис Лютера, книжка о конфирмации с 73 вопросами и ответами, таблица умножения, книга с притчами по алфавиту, шесть правил, специальные притчи и семь покаянных псалмов, к этому еще – 20-25 церковных песен» [Зюсс, 2007: 301]. Церковно-приходские школы подвергались контролю со стороны католических и протестантских священников. О недостатках в немецких школах в Поволжье отмечали пасторы из Сарепты, окончившие Дерптский университет и выступавшие за то, чтобы Церковь заняла свое место в соответствии с новыми задачами после событий 1905 г. В прессе появились публикации пастора И. Бютнера из Камышина и пастора³ Г. Берац; протестантский пастор И. Куфельд приводил в своей неопубликованной работе следующие факты: установка только на зубрежку и заучивание наизусть длинных текстов без их понимания в церковной школе [Зюсс, 2007: 347 – 348; Kufeld, 2000: 13]. Католические школы к концу XIX – началу XX вв. строились не только в колониях, но и в городах [ГАС]. Католическое духовенство активно выступало с проектом основ организации народной школы, протестантское духовенство на своих синодах в 1905-1907 гг. также активно занималось проблемами школы [Зюсс, 2007: 348]. Например, в 1844 г. в бессарабской Сарате на средства колониста-филантропа Вернера было открыто «Вернеровское училище», на содержание которого им в 20-х годах был оставлен капитал в 25000 рублей. Как подчеркивал писавший в 1916 году Я. Штах, «Это училище было и остается до сих пор самым благотворительным учреждением для образования учителей лютеранского вероисповедания. Из него вышел целый ряд опытных в своем деле педагогов <...> в шестидесятых и семидесятых годах некоторые из лютеранских пасторов готовили учителей, исполнявших в то же время и должность кистеров, причем можно указать на пасторов: Беккера в Гофнунгстале, в Херсонской губернии, и Шомбурга в Аккермане, в Бессарабии» [Штах, 1916: 203]. Из приведенных примеров становится видно, что в лютеранском пространстве религиозный фактор оказывал дополнительное влияние на подготовку учителей, передававших лютеранские религиозные ценности подрастающим поколениям. По сути, можно утверждать, что немецкие поселенцы организовали свои учительские институты на протестантской основе.

Можно утверждать, что Священное Писание, как в общем контексте католической и протестантской веры, так и в церковно-приходских школах России, изучалось методом зубрежки в отрыве от церковного контекста, который наделяет его смыслом [Ларше Жан-Клод, 2021: 81].

Распространение протестантских религиозных воззрений в России в немалой степени связано с миграцией германского населения, способствовавшего трансляции лютеранских идей и других форм протестантизма среди немецкого населения в Россию. Помимо названных лютеран, среди протестантских общин в сообществе германских переселенцев особо выделялись представители менонитов.

Корни менонитского движения берут свою основу в XVI в. в Нидерландах. Произошло это после разгрома народных бунтов 1534 – 1535 гг. Возглавил данное движение его создатель и лидер Менно Симоне, в честь которого оно и было названо.

Давая характеристику меннонитам, А. Клаус в своем знаменитом труде «Наши колонии» отмечал: «Церковное устройство меннонитов основано на просвитериальных (не консисториальных) порядках. В делах духовного призрения и церковного благочиния, они ведаются духовными старшинами и проповедниками или наставниками, избираемыми каждым приходским обществом пожизненно» [Клаус, 1869: 157].

Представители данного направления ориентированы на построение благочестивой жизни в своих общинах. Самих себя меннониты рассматривают в качестве «возрожденных богоизбранников». Главная характеристика меннонитов – стремление к самоизоляции. Наряду с общепротестантскими догмами, как ожидание спасения, всеобщего священства, меннониты придерживались и своих ценностей: церковное отлучение, отказ от воинской службы и служения государству [Меннониты [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.03.2022)], отрицание крещения детей, воздержание от клятвы, взгляд на Евхаристию только как на воспоминание [Велицын, 1893: 206].

Немцы-меннониты проживали в Прибалтике, в Новороссии, жили они и в Бессарабии. Кстати, российское правительство, особенно в первой половине XIX в., всячески старалось оберегать «варшавских поселенцев» от излишних обязанностей, в частности от воинской службы. Это же распространялось и на иностранных колонистов, водворявшихся в Бессарабию [Бондарь, 1916: 77].

До сегодняшнего дня происходят геральдические поиски родственников лиц, которые предположительно контактировали с бессарабскими меннонитами, в том числе и еврейской национальности. Как пишут сами евреи, в меннонитских поселениях были работы, которые выполнять меннонитам возбранялось, а евреи помогали восполнить возникающие потребности [Меннониты [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.06.2022)].

В первые дни основания колоний немецкие школы служили средством сохранения устоев канонического вероисповедания. Подобный подход к школьному образованию был обусловлен тем, что во главе образовательного процесса всегда стоял священнослужитель, это был либо протестантский пастырь, католический ксендз или меннонитский духовный наставник. С первых дней школа была местом религиозного наставления детей. Церковь внесла свой значительный вклад, в том числе и через школу, в сохранение от иноверчества населения в национальных немецких колониях. Эта функция школы по

сохранению самобытности национальной культуры немецких переселенцев имела наиважнейшее значение.

Обратим внимание на то, что сельское население бессарабских колоний – болгар, гагаузов, также, в основном, жило обособленно. Особенно обособлялись немцы, этому способствовала их религиозная принадлежность – приверженность к католической или меннонитской вере. С.В. Соколовский и Т.В. Тырышкина по этому поводу пишут: «...На территории Новороссии меннониты были расселены во вновь образованных самоуправляемых округах, и, хотя немецкие и украинские села располагались по соседству, массив меннонитских сел не был расчленен и граница была одновременно административной и этнической» [Соколовский С. В., Тырышкина Т.В., 1989: 47]. Религиозная составляющая в немалой степени определяла образ жизни поликультурного сообщества Бессарабии того времени. Писавший в 1916 г. Я. Штах подчеркивал: «Что касается смешанных браков, то едва ли такие браки могут быть среди консервативного сельского населения всех наций, в особенности тех, представителями которых являются жители Юга России. Вот тому примеры: во многих больших деревнях живут вместе уже несколько десятилетий великороссы и малороссы рядом или попеременно одни с другими, и между ними очень редко бывают смешанные браки, так же как между шведскими и немецкими колонистами бывшего шведского колонистского округа, в Херсонской губернии, или между французскими и немецкими колонистами в колонии Шабо, в Бессарабии. Точно так же католики, лютеране и меннониты очень редко вступают в брак одни с другими, даже реже, чем с православными русскими. Главным препятствием является здесь консервативный склад ума сельского населения, и такое явление нельзя считать ненормальным, напротив, оно вполне нормально. Точно также следует назвать нормальным и то явление, что в городах бывает слишком много смешанных браков, причем часто нравственная или семейная жизнь приносятся в жертву индифферентизму и неверию» [Штах, 1916: 112].

Одновременно меннониты, несмотря на свою обособленность и замкнутость, вызывали и определенную симпатию со стороны современников. Так германофоб А.А. Велицин одновременно констатировал: «Вообще, сравнительно с другими немцами-колонистами меннониты представляются в гораздо более симпатичном свете. Они гораздо трудолюбивее других колонистов, они сильно развили обрабатывающую промышленность, имеющую серьезное значение для местности и, кроме того, они готовы более других податься на то или иное воздействие правительственной власти, клонившейся к их русификации. За всем тем, что это все-таки кровные немцы, не столь фанатически преданные идее немецкой национальности, но и неумышленно и бессознательно проявляющие ее чуждые и несимпатичные русскому духу черты. Энергичное и последовательное воздействие школы могло бы, по отношению к меннонитам, иметь более решающее действие, чем по отношению к другим колонистам.

В настоящее же время повторяем, это истые немцы, хотя и более

спокойного характера, и правительству надлежит зорко смотреть, как бы меннониты, подавшись влиянию времени, не соскользнули с их настоящего, обособленного положения на тот скользкий путь национализма, на котором действуют все остальные колонисты» [Велицын, 1893:216 – 217]. Обратим внимание на то, что данная, хоть и в немалой степени, субъективная характеристика была дана меннонитам на рубеже XIX и XX вв., когда германский вопрос еще не звучал столь вызывающе, как это имело место быть за несколько лет до начала I-й мировой войны.

Немецкие хозяйства считались эталонными, а хозяйства трудолюбивых меннонитов вообще были на особом месте. А. Клаус писал: «спокойный, религиозный характер меннонитов: их безупречное трудолюбие и рачительность к хозяйству, обеспечивали за ними свободу веры как у нас, так и за границей <...> меннонит может быть только крестьянином; ни медалей, ни мундира, ни вообще каких бы то ни было знаков наружного отличия он не примет. Всякий промысел, ремесло, род торговли подчиняются этому основному понятию; они неразрывно связаны с земледелием, как главнейшим призванием меннонита, и состоят в зависимых отношениях от требований скотоводно-хлебопашественного хозяйства. Даже духовные старшины и проповедники братства не кто иные, как те же крестьяне-хозяева» [Клаус, 1869: 157]. Писавший, в том числе, о бессарабских поселенцах Я. Штах, констатировал: «в Бессарабии и области Войска Донского, в Юго-Западной Сибири и т. д. колонисты, а между ними особенно меннониты, являются первыми основателями больших паровых мельниц, и во всех почти названных местностях мельницы их последователей или подражателей – не хуже оригиналов» [Штах, 1916: 197].

Подобная рачительность в хозяйствовании порой вызывала ревностное отношение по отношению к немецким поселенцам, добавим сюда еще и их настрой на сопротивление господствующим классам и получим практически готовый объект для претензий, которые не преминули возникнуть, как только над российским сообществом сгустились тучи, в виде угрозы войны с Германией.

Необходимо подчеркнуть, что само меннонитство в России, наряду с сохранением очагов незыблемости, сталкивалось с влиянием времени и обстоятельств. Так, в 50-х годах XIX в. в среде меннонитов на юге России возникло серьезное религиозное брожение, приведшее к появлению сторонников новоменнонитства. Возглавил это направление пастор Эдуард Вюст, который у новоменнонитов получил за свои взгляды имя «второго после Менно реформатора» [Бондарь, 1916: 107]. Это движение получило распространение в Вюртенберге, родине Э. Вюрста. Там сторонники новоменнонитства получили ярлык сепаратистов. Вюст и его единомышленники переселились на юг России. Напомним, что многие выходцы из Вюртемберга поселились в 1821 г. в Бессарабии [Бондарь, 1916: 26]. Среди них также получило распространение движение новоменнонитства. Учение Вюста было по-своему интерпретировано учителем начальной школы Каппесом, основавшим крайнее направление,

сторонников которого именовали «гюпферами», потому что они пели духовные песни, танцевали и прыгали. Постепенно у гюпферов произошел разрыв с Вюстом, а еще позже одним из лидеров гюпферов стал Вильгельм Бартель, личный друг Каппеса. Если при Вюсте разрыв между меннонитами и новыми меннонитами только наметился, то при Каппесе и Бартеле он усилился, что привело к непрекращающейся вражде между «старыми» и «новыми» меннонитами [Бондарь, 1916: 117].

Гюпферов стали подвергать гонениям, выводить из общин. При этом жалобы российским властям со стороны меннонитов на новых меннонитов этими самыми властями игнорировались. Как отмечал уже цитированный С.Д. Бондарь, министерство внутренних дел высказывалось в пользу терпимости и против преследования гюпферов. Он ссылается на отзыв от 11 июля 1865 г., № 1567 (по поводу секты «новых братьев», родственной «гюпферам»). МВД настаивало на применении в отношении к сектантам норм, выраженных в Высочайшем повелении 1843 г. [Бондарь, 1916: 132]. По сути, этот документ стал первым толчком для признания новоменнонитской секты, которая окончательно свое оформление получила в 1867 г. [Бондарь, 1916: 133].

Как справедливо отметил исследователь В. П. Степанов в своей работе по изучению трудов по этнографии населения Бессарабии в XIX – начала XX вв., в крае существовала религиозная терпимость, и в неоднородном составе немецких колоний возникло сектантское течение, получившее название «штундизм», что в переводе на русский язык обозначает «время». Приверженцами «южнорусской штунды», этого нового религиозного учения, были и многие украинские крестьяне Бессарабии [Степанов, 2001: 176, 229].

Вообще штундизм представлял собой одно из направлений баптизма. Штундизм принесли в южную Россию немецкие миссионеры, проповедующие ценности баптизма и новоменнонитства [Бондарь, 1916: 156]. С 70-х годов XIX в. баптистское движение распространяется в Одесском уезде. Тогда в качестве проповедника баптизма был известен И. Виллер, который вместе с немецкими миссионерами баптизма действовал среди православного населения. Не ограничиваясь обычными церковными службами, сторонники данного религиозного направления устраивали особые молитвенные встречи, которые по-немецки назывались «Stunden» (молитвенные часы, библейские часы, часы миссии). Отсюда и пошло само название участников этого религиозного толка: «штундовые братья», «штундисты» [Бондарь, 1916: 164].

Как становится видно, в конфессиональном плане немецкие колонисты Новороссии и Бессарабии были неоднородны. Их лютеранское и меннонитское вероисповедание было дополнительной преградой их контактности с представителями других этносоциальных сообществ, – ревнителей православия. Распространившаяся во второй половине XIX в. штунда в немалой степени способствовала более тесному взаимодействию части православного населения Бессарабии с немцами-штундистами. Причем аккультурация была направлена на православное население. Чаще всего под идеологию штунды попадали жители ближайших к немецким колониям сел с православным населением.

Примечания

1. Изменения статуса колониальных школ наступило с указом царского правительства от 2 мая 1881 года. Все не русские школы в империи, подчинявшиеся ранее Министерству государственных имуществ, перешли под контроль Министерства народного просвещения. Духовенство при новом порядке управления получило право наблюдать за религиозным образованием в учебных заведениях.
2. Кистер – (нем. Kuster); пономарь, церковнослужитель-завхоз.
3. Патер – (лат. Pater – Отец); в римско-католических монастырях монах в сане дьякона или иерея (в отличие от простых монахов, называемых Frater – брат). В широком смысле католический священник – ксёндз.

Источники и литература

Бондарь, 1916 – *Бондарь С. Д.* Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк. Петроград.: типография В. Д. Смирнова, Екатеринбургский кан., №45, 1916. 207 с.

Велицын, 1893 – *Велицын А. А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: Изд. «Русского Вестника», 1893. 144 с.

ГАС – Государственный Архив Саратовской Области. Ф. 365. Оп. 2. Д. 123. Л. 16.

Зюсс, 2007 – *Зюсс В.* Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия – 1917 год.). СПб., ООО «издательство «Росток», 2007. 530 с.

Кирилл, Патриарх, 2019 – *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Диалог с историей. / Послесл. А.В. Щипкова. М., Абрис, 2019. 256 с.

Клаус, 1869 – *Клаус А.* Наши колонии : Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. В.В. Нусвальта, 1869. 102 с.. 2 л. карт. : табл.

Ларше Жан-Клод, 2021 – *Ларше Жан-Клод.* Что такое богословие? Методология православного богословия в его практике и преподавании / Пер. с фр. Петуховой, О. Арсеньевой, С. Чернова, У. Рахновской, П. Доброцветова, М. Вдовиченко, А. Вавиловой, В. Лепяхина, иерод. Иоанна (Ахматханова), С. Кузнецовой; науч. ред. П. Доброцветова. М., Паломник, 2021. 175.

Меннониты [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.03.2022) – Меннониты / Понятия и категории Вспомогательный проект портала Хронос // [Электронный ресурс]. URL: <http://ponjatija.ru/node/11969> (дата обращения: 21.03.2022).

Меннониты [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.06.2022) – Меннониты // [Электронный ресурс]. URL: <https://jewish-family.livejournal.com/46883.html> (дата обращения: 29.06.2022).

НАРМ. Ф. 65 – Национальный Архив Республики Молдова. Ф. 65, Оп. 1, Ед. хр. 1449.

НАРМ – Национальный Архив Республики Молдова. Ф. 65, Оп. 1, Ед. хр. 1449. Л. 8 Об-9.

Соколовский С. В., Тырышкина Т.В., 1989 – *Соколовский С.В., Тырышкина Т.В.* Комплексные методы изучения аксимилиационных процессов в этноареальных группах пришлого населения Сибири // *Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов.* Сборник статей. Москва, 1989. С. 43 – 53.

Степанов, 2001 – *Степанов В.П.* Труды по этнографии народов Бессарабии. Кишинев: Pantos, 2001. 263 с.

Штах, 1916 – *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. Москва, 1916. 266 с.

Kufeld Joh., 2000 – *Kufeld Joh.* Deutschen Kolonien an der Wolga. Nürnberg : Historischer Forschungsverein der Deutschen aus Russland, 2000. 446 p.

УДК 272+266.2

Терентьев В.И.,

кандидат исторических наук,

независимый исследователь,

Улан-Батор, Монголия

История католической миссии в Монголии с 1992 г.

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-165-172

Преимущественно на материалах личного наблюдения и бесед с католическими священнослужителями выстраивается картина миссионерской деятельности РКЦ в современной Монголии. Исторический период в истории РКЦ в Монголии, начиная с 1992 г., обозначается как «новая эпоха». Отмечаются значительные достижения католиков на поприще социального служения. Приводятся количественные данные РКЦ в Монголии. В качестве итога обозначаются основные проблемы, с которыми сталкиваются католические миссионеры в Монголии.

Ключевые слова: *Монголия; Римская католическая церковь; миссия; миссиология; проповедь.*

Terentyev V.I.,

Candidate of Historical Sciences,

Independent Researcher,

Ulaanbaatar, Mongolia

History of the Catholic Mission in Mongolia since 1992